

Научная статья
УДК 159.96
<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-2-127-134>

Роль эмпатии в формировании антикоррупционного стандарта поведения сотрудников уголовно-исправительной системы: основные противоречия

Суслов Юрий Евгеньевич¹, Левицкая Линда Викторовна²

¹Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний, Российский государственный социальный университет, Москва, Россия, zimburu@mail.ru

²Владимирский государственный университет имени А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Россия, lindavladi@yandex.ru

Аннотация. Основное внимание в представленной работе уделено проблеме выявления причин коррупционного поведения и мер по противодействию коррупции. Авторами выделены группы причин коррупционного поведения. Особое внимание уделено роли эмпатии в вовлечении в коррупционные преступления. На основании проведенного теоретического анализа авторы отмечают недостаточность изучения психологической, в частности эмоциональной, составляющей формирования коррупционного поведения. На примере специфической профессиональной деятельности сотрудников пенитенциарной системы, взаимодействующих с лицами, осужденными за различные преступления, демонстрируется наличие противоречия, заключающегося, с одной стороны, в необходимости обладания сотрудником исправительных учреждений способностью сочувствовать и сопереживать осужденным, а с другой — противодействовать манипулятивным воздействиям, ориентированным на эмоциональную сферу личности. Обосновывается необходимость учета роли эмпатии в формировании антикоррупционного стандарта поведения сотрудников системы исполнения наказаний.

Ключевые слова: исправление, исправительные учреждения, коррупция, криминологические признаки, криминология, осужденные, сотрудники, уголовно-исполнительная система, эмпатия

Для цитирования: Суслов Ю. Е., Левицкая Л. В. Роль эмпатии в формировании антикоррупционного стандарта поведения сотрудников уголовно-исправительной системы: основные противоречия // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 2 (58). С. 127—134. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-2-127-134>.

Original article

The role of empathy in the formation of an anti-corruption standard of behavior of employees of the penitentiary system: the main contradictions

Yury E. Suslov¹, Linda V. Levitskaya²

¹Research Institute of the Federal Penitentiary Service, Russian State Social University, Moscow, Russian Federation, zimburu@mail.ru

²Vladimir State University named after A. G. and N. G. Stoletovs, Vladimir, Russian Federation, lindavladi@yandex.ru

Abstract. The main attention in the presented work is paid to the problem of identifying the causes of corrupt behavior and anti-corruption measures. The authors have identified groups of causes of corrupt behavior. Special attention is paid to the role of empathy in involvement in corruption crimes. Based on the theoretical analysis carried out, the authors note the insufficiency of studying the psychological, in particular the emotional, component of the formation of corrupt behavior. On the example of the specific professional activity of prison system employees interacting with persons convicted of various crimes, the presence of a contradiction is demonstrated, consisting, on the one hand, in the need for a correctional officer to have the ability to sympathize and empathize with convicts, and on the other — to counteract manipulative influences focused on the emotional sphere of the individual. The necessity of taking into

© Суслов Ю. Е., Левицкая Л. В., 2022

account the role of empathy in the formation of an anti-corruption standard of behavior of employees of the penitentiary system is substantiated.

Keywords: correction, correctional institutions, corruption, criminological signs, criminology, convicts, employees, penal enforcement system, empathy

For citation: Suslov Yu. E., Levitskaya L. V. The role of empathy in the formation of an anti-corruption standard of behavior of employees of the penitentiary system: the main contradictions. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2022, no. 2 (58), pp. 127—134. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-2-127-134>.

В настоящее время проблема коррупции не теряет своей актуальности и требует своего решения. Многогранность и сложность данного явления подтверждается наличием его исследования представителями различных областей научного знания. Несмотря на имеющиеся расхождения в понимании причин и механики возникновения коррупции в обществе, общей идеей является признание социальной деструктивности феномена коррупции.

«Коррупция» происходит от латинского слова «*corruptio*» и в своем изначальном значении отражает негативное содержание обозначенного явления — разложение, растрепанность и т. д. [1]. Как отмечают исследователи (например, как А. Г. Хабибулин [2], С. И. Гирько, Г. Ю. Лесников [3], Ю. Г. Ершов [4] и др.), коррупция разрушительным образом отражается не только на функционировании государства, приводя к значительным материальным потерям, но и искажает правосознание граждан, подрывает их доверие к власти и государству в целом. Понимание разрушительных последствий коррупции для социума актуализирует потребность поиска эффективных способов борьбы с данным явлением.

Отметим, что в правовой плоскости нашей страны действия, которые трактуются как коррупционные, перечислены в Федеральном законе от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции». Как становится видно из обозначенного нормативного правового акта, перечень таких действий весьма разнообразен. Например, к коррупционным действиям относятся дача или получение взятки, использование своего служебного положения, имеющихся полномочий для получения личной выгоды прямой или косвенной. Присутствующие в законодательной и научной литературе дефиниции изучаемого явления позволяют понять его границы и отличительные типологические черты, но для профилактики появления и развития коррупции необходимо понять причины ее возникновения. Теоретический анализ научной литературы позволил нам выделить несколько причин коррупции, описанных авторами, которые условно можно разделить на следующие

группы: экономические, организационно-правовые, общественно-исторические и психолого-педагогические.

К причинам первой — экономической — группы можно отнести недостаточный уровень заработной платы, недостаточное материальное стимулирование сотрудников в целом; нахождение сотрудника в сложной жизненной ситуации, обремененной материальными обязательствами (наличие кредитных задолженностей, долгов в целом), отсутствие социальной поддержки и т. д. [5; 6].

Организационно-правовые причины связаны, например, со сложностью структуры органов власти, наличием значительного количества бюрократических процедур, отсутствием внешнего и внутреннего контроля за деятельностью представителей органов власти. Данные причины возникновения коррупции усугубляются дублированием выполняемых функций различными государственными структурами; отсутствием четкого понимания компетенций и границ выполняемых функций сотрудниками, следствием чего является отсутствие единой комплексной системы учета и контроля их деятельности, низкий уровень компетентности персонала [7]. Также к этой группе причин можно отнести недостаточность мер воздействия по отношению к преступникам-коррупционерам. Ряд авторов справедливо, по нашему мнению, отмечают, что безнаказанность, непропорционально мягкие наказания за совершенные преступления и их последствия способствуют разрастанию и укреплению коррупции, как способствуют этому и избирательность, непоследовательность в правоприменении в процессе расследований коррупционных преступлений и привлечении виновных лиц к ответственности [8—11].

Анализируя работы ряда ученых, изучающих вопросы развития коррупции, отметим, что причины коррупции имеют четко выраженную культурно-историческую основу. В частности, В. П. Шпалтаков отмечает, что в России коррупция зародилась в период с IX по X век в форме института «кормления», когда содержание

чиновников обеспечивало население [12; 13]. В результате в культуре взаимодействия гражданина с чиновником появляются различные виды «благодарности» для «стимулирования» работы последнего в интересующем обратившегося вопросе, для расположения чиновника к себе [14]. Далее, как указывает В. П. Шпалтаков, кормление трансформировалось в «лихоимство» и «мздоимство». В последующем коррупция в государстве укрепилась, несмотря на усилия, предпринимаемые Петром I. Твердо убежденный в том, что «разорение государства хуже измены», он приравнивал служебные проступки чиновников к государственным преступлениям, устанавливая наказания за них вплоть до смертной казни. Также им были сформированы фискальные органы, призванные выявлять хищения из государственной казны [15]. Однако коррупция не была побеждена, а стала проявляться, например, в виде «фаворитизма» при Екатерине II [12]. Таким образом, мы видим, что с течением времени, сменой исторических эпох коррупция не прекращала своего существования, а лишь приобретала новые виды, формы и сферы своего проявления. Кроме того, поддержанию коррупции способствует наличие «долгой коррупционной памяти», когда единожды дав взятку, человек помнит об этом не один год, не принимая во внимание, что ситуация в данной структуре уже существенно изменилась [16]. Все это в своей совокупности формирует определенную духовно-нравственную среду в обществе, которая может способствовать развитию коррупции. К признакам подобной среды, как отмечает Е. Е. Тонков, относятся ориентация на личное обогащение, персональный успех в ущерб интересам общественных при процветании среди населения правового нигилизма [11]. Также можно добавить к криминологическим признакам коррупции и коррупционного поведения «свободу» в выборе средств достижения личных целей [17].

Таким образом, из культурно-исторических причин коррупции проистекают причины, лежащие в индивидуальной психолого-педагогической плоскости, то есть в данном случае мы обозначаем проблему личности коррупционера и ее формирования. Возможность и допустимость коррупционного противоправного поведения может закладываться в процессе воспитания человека с самого раннего возраста. Если в окружении, референтной группе человека такое поведение приемлемо, то можно предположить с высокой долей вероятности, что для него подобное поведение будет допустимо, при этом

расцениваться оно будет как «нормальное», либо же, наоборот, привитые в раннем возрасте установки о недопустимости преступного поведения в любых его проявлениях могут удерживать его от совершения подобных действий.

Проблема научного подхода поиска причин коррупции уже имеет место в литературе, посвященной данной тематике. Так, И. А. Савченко, Л. А. Снегирева, С. В. Устинкин в своей работе «Причины коррупции в кросс-методологическом измерении» выделяют два методологических подхода к проблеме коррупции: экономико-правовой и психоаналитический [18]. Первый подход, как отмечают авторы, акцентирует внимание на внешних по отношению к человеку факторах коррупционного поведения (например, несовершенство законодательства, недостаточность контроля за потенциальными коррупционерами и прочее). Второй же, как следует из его условного обозначения, ведущую роль в появлении коррупции отдает особенностям человеческой личности.

Вместе с тем, повторно отметим, что выделение вышеуказанных групп и подходов к пониманию причин коррупционного поведения носит условный характер. Определить в чистом виде исключительно «личностные» причины коррупционного поведения, не зависящие от контекстуальных причин (исторических, экономических, политических, организационно-правовых и т. д.), не представляется возможным. Поведение человека обусловлено как внешними, так и внутренними факторами.

Данный тезис подтверждается и результатами эмпирических исследований. Так, например, А. А. Иванова, изучая проблему коррупции, провела опрос среди государственных гражданских служащих. Полученные данные подтверждают, что причины коррупции и меры борьбы с ней лежат в плоскости пересечения не только организационно-правовых (длительные сроки оформления документов (57,2 %); несовершенство законодательной базы (52,1 %); чрезмерная бюрократизированность всех сфер государственного управления (47,4 %), но и психологических детерминант (высокая личная ответственность служащего в соблюдении антикоррупционного законодательства (70,4 %); высокая гражданская ответственность населения (отказ от дачи взяток, обращения в правоохранительные органы и в суд) (43,2 %); уверенность служащего в неотвратимости наказания) [19]. Не умаляя значимости внешних к личности человека факторов, обуславливающих коррупционное поведение, представляется недостаточно изученной

психологическая составляющая проблемы коррупции. И в особенности роль эмоциональной сферы личности в этом процессе.

Обобщая вышесказанное, можно сделать вывод о том, что коррупционные риски выше в той среде, где наличествуют ассиметричные взаимоотношения между субъектами деятельности, когда одна из сторон обладает в принципе некоторыми возможностями или их уровень проявления превышает таковой у противоположной стороны. Когда имеются некие зависимые отношения, возникает соблазн воспользоваться имеющейся властью для удовлетворения своих эгоистических потребностей. Вместе с тем, жизненные ситуации могут быть весьма сложны для понимания того, как именно человеку следует поступить. Особенно это характерно для профессий, предполагающих взаимодействие с людьми, находящимися в непростых (часто экстремальных) жизненных ситуациях. В частности, хотелось бы обратить внимание на проблему коррупции в рамках уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (далее — УИС). Рассмотрение проблемы коррупции в данной сфере крайне важно по причине социально значимых задач, выполняемых пенитенциарной системой. Одной из важнейших и непростых задач, стоящих перед сотрудниками УИС, является развитие у лиц, осужденных за совершенные преступления, правопослушного поведения не только на внешнем, поведенческом уровне, но и на уровне принятия такого взаимодействия с социумом как единственно возможного.

Безусловно, достижение поставленной цели может и должно включать этап «подражания» приемлемым формам поведения и взаимодействия, но внешние поведенческие формы осужденными должны быть интериоризированы во внутреннюю структуру их личности. Поэтому в современных условиях развития пенитенциарной системы необходимо применение не столько средств принуждения, сколько активное использование гуманистических подходов, методов, способов и приемов по исправлению осужденных. В результате возникает запрос на сотрудников, отличающихся сострадательностью, а также на личностном уровне не допускающих совершения любых форм противоправного поведения. Личный пример поведения сотрудника является наиболее значимым средством исправления по силе своего воздействия на осужденного, определяющим эффективность применения основных средств исправления осужденных, перечисленных в статье 9 Уголовно-исполнительного

кодекса Российской Федерации [20]. К сожалению, в УИС присутствуют факты совершения коррупционных преступлений сотрудниками ведомства. Формы коррупционных правонарушений сотрудников УИС: дача или получение взятки, злоупотребление или превышение должностными полномочиями [6]. Как отмечают в своем исследовании А. П. Суходолов, С. В. Иванцов, Э. Л. Сидоренко и Б. А. Спасенников, для сотрудников правоохранительных органов характерна стереотипность коррупционного поведения. В частности, у сотрудников УИС относительно чаще фиксируются коррупционные преступления, связанные со злоупотреблением должностными полномочиями [21]. Вместе с тем, интересны результаты исследования, проведенного Э. Л. Сидоренко, нашедшие свое отражение в ее работе «К вопросу о новых направлениях криминологического мониторинга коррупции». В научной статье было обозначено то, что несмотря на преимущественно корыстную направленность коррупционных преступлений, сами эти деяния не рассматриваются коррупционерами как основной источник дохода. Автор делает вывод, с которым мы солидарны, что в этой связи повышение заработной платы не может считаться эффективным средством сдерживания взыточничества [22].

В процессе осуществления исправления осужденных важную роль играет восприятие их сотрудниками. Зачастую люди не свободны от сформированных у них убеждений, предубеждений, стереотипов, которые заранее обуславливают характер представлений о людях или определенных группах, а следовательно, определяют и характер поведения. Жесткие стереотипы, касающиеся, например, возможности исправления осужденных, неверие в достижение подобной цели приводят к пониманию «бесполезности» осуществления воспитательных, психологических и иных мероприятий, направленных на изменение личности и поведения осужденных. Поэтому важно, чтобы сотрудники старались быть непредвзятыми по отношению к осужденным, рассматривая совершенное ими преступление в контексте тех обстоятельств, в которых они находились на момент совершения преступлений, а также всего их жизненного пути. Им следует избегать необоснованных обобщений и группирований осужденных лишь по признаку совершения преступления и пытаться сформировать максимально полное представление об осужденном. Процесс формирования такого целостного представления, как мы считаем, основывается

на наличии у сотрудника развитой способности к эмпатии, которая содействует улучшению межгрупповых взаимоотношений [23]. Эмпатия выражается в возможности сочувствовать и сопереживать [24]. Г. Олпорт предположил, что люди с высоким уровнем сочувствия более терпимы к другим [25; 26]. Для сотрудника УИС умение проявить определенную терпимость является важным профессионально значимым качеством.

В свою очередь, эмпатия является сложной, многогранной конструкцией, содержащей когнитивную и эмоциональную реакции [27]. Некоторые исследователи указывают на то, что эмпатия представляет собой механизм, который опосредует связь между межгрупповыми контактами и предубеждениями [28]. Также эмпатию рассматривают как способ познания других людей [29], играющий важную роль в социальной адаптации человека [30]. Необходимо подчеркнуть, что эмпатия как явление до сих пор остается предметом исследования представителей различных наук. Так, вопросами эмпатии в психологии и педагогике занимались такие ученые, как Б. Г. Ананьев, А. А. Бодалев, Л. С. Выготский, Т. П. Гаврилова, И. С. Кон, А. Н. Леонтьев, Б. Ф. Ломов, Ю. А. Мендерицкая, Н. Н. Обозов, Г. Олпорт, К. К. Платонов, А. М. Прихожан, К. Роджерс, Ф. Хайдегер, Н. А. Щербакова и другие. В целом отмечается необходимость понимания эмпатии как важного профессионального качества в профессиях системы «человек — человек», в значительной степени обуславливающего эффективность коммуникативной деятельности [31].

Несмотря на необходимость наличия развитой эмпатии у сотрудников УИС для осуществления процесса исправления осужденных, существует опасность вовлечения персонала исправительного учреждения во внеслужебную связь коррупционного характера. В данном случае опасность вступления в такие отношения может быть вызвана благими намерениями сотрудника, желанием помочь осужденному, который вызывает у него сочувствие и которому он сопереживает. То есть можно сделать вывод о том, что сотрудники с развитой эмпатией могут составлять группу риска как склонные к вступлению в противоправные взаимоотношения с осужденными. Эта опасность обусловлена спецификой профессиональной деятельности сотрудников УИС, в частности особенностями взаимодействия сотрудников с осужденными. Отличительной чертой взаимодействия сотрудников и осужденных является активное

применение манипулирования со стороны последних. С точки зрения психологии манипуляция представляет собой особый тип социально-психологического воздействия, целью которого является изменение восприятия, мнения, поведения других людей [32]. Также манипуляция может быть определена как некая форма обмана, основанная на использовании наивности жертвы для склонения ее к определенному типу поведения, выгодному манипулятору [33]. Одной из основных особенностей манипулирования является, как мы считаем, то, что манипулятором манипулируемый объективизируется, то есть рассматривается как «инструмент», «способ» достижения своих корыстных целей [34]. Манипуляторы ориентированы на выявление слабых мест оппонента. В условиях УИС такие «слабые места» могут быть, например, в наличии противоречий в плоскости трактовки нормативных правовых актов, правил внутреннего распорядка учреждения, приказов и распоряжений руководства учреждения и т. д., а также в плоскости морально-нравственных установок человека [35], в том числе и в его личностных особенностях. Как указывают исследователи, манипуляторы осуществляют воздействие не только на сферу сознательного (разум), но и на сферу бессознательного (инстинкты, эмоции, потребности) [36]. Также они могут использовать против оппонента его чувство этики и совесть. Чувство сострадания повышает риски поддаться воздействию манипуляции [37].

Таким образом, можно сделать ряд выводов. Во-первых, следует отметить наличие определенного противоречия относительно места и роли эмпатии в профессиональной деятельности сотрудника УИС. С одной стороны, как было указано выше, эмпатия позволяет лучше понимать состояние осужденных, а следовательно, более эффективно на них воздействовать, изменять их негативные личностные особенности, исправлять. С другой стороны, эмпатия представляет собой один из объектов манипуляции со стороны осужденных, что в конечном итоге может привести к вовлечению сотрудников в противоправные взаимоотношения с осужденными. Разрешение подобного противоречия, как мы считаем, лежит в сфере профессиональной подготовки сотрудников к работе с осужденными, развития у них таких знаний и качеств, которые «уравновешивали» бы вероятные негативные последствия высокого уровня развития эмпатии. Так, например, сотрудники, имеющие небольшой пенитенциарный опыт в силу

отсутствия необходимых знаний о специфике взаимодействия с осужденными и не знающие об имеющихся опасностях, которые могут в нем присутствовать, составляют группу риска, требующую особого внимания со стороны их непосредственных руководителей и более опытных коллег. Следовательно, прежде чем вступить во взаимодействие с осужденными, сотрудники должны соответствующим образом быть подготовлены в знанием и личностном компонентах их формирующегося профессионализма.

Во-вторых, развитая эмпатия может свидетельствовать о высоком риске вовлечения сотрудников в коррупционные преступления. Однако данная личностная характеристика может расцениваться как криминологический признак только в комплексе прочих факторов риска совершения коррупционных преступлений.

Список источников

1. Словари и энциклопедии на Академике. URL: <https://translate.academic.ru/corruptio/la/ru/> (дата обращения: 27.11.2020).
2. Хабибулин А. Г. Коррупция как угроза национальной безопасности: методология, проблемы и пути их решения // Журнал российского права. 2007. № 2 (122). С. 45—50.
3. Гирько С. И., Лесников Г. Ю. Общественная безопасность и противодействие коррупции в Российской Федерации // Социально-политические науки. 2014. № 3. С. 22—25.
4. Ершов Ю. Г. Коррупция как угроза государственности // Актуальные проблемы научного обеспечения государственной политики Российской Федерации в области противодействия коррупции. 2019. № 1. С. 80—90.
5. Коробов А. С. Меры материального стимулирования как элемент системы административно-правовых средств противодействия коррупции в пенитенциарной системе Российской Федерации // Человек: преступление и наказание. 2012. № 4 (79). С. 128—130.
6. Пономарева Е. В. Экономические составляющие коррупции в уголовно-исполнительной системе // Человек: преступление и наказание. 2014. № 3 (86). С. 118—124.
7. Бурцев Ю. А. Коррупция в России: причины возникновения и методы борьбы // Транспортное дело России. 2017. № 2. С. 66—67.
8. Дикаев С. У. Коррупция — вечная проблема России // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2011. № 4. С. 48—51.
9. Куракин А. В. Административно-правовые средства борьбы с коррупцией в системе государственной службы // Журнал российского права. 2003. № 7. С. 79—89.
10. Миненок М. Г. К вопросу о борьбе с коррупцией // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2013. № 9. С. 88—93.
11. Тонков Е. Е. Коррупция как признак криминализации власти // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2011. № 3. С. 50—58.
12. Шпалтаков В. П. Коррупция в России: исторические корни и причины разрастания в постсоветское время // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». 2016. № 3. С. 83—92.
13. Литвяк Л. Г., Плыгунов К. А., Катасонов А. В. Коррупция в России: история и современность // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. Т. 7. № 4. С. 35—39.
14. Никоноров Е. А. Коррупция в органах внутренних дел, как разновидность коррупционной преступности // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 2. С. 179—181.
15. Рудковская Е. В., Войченко Н. В. Проблемы коррупции в Российской Федерации // Вестник Камчатского государственного технического университета. 2017. № 33. С. 76—82.
16. Ларина О. Г., Шевелева С. В. Правовой опыт России в сфере противодействия коррупции: история и современность // Всероссийский криминологический журнал. 2013. № 3. С. 179—187.
17. Ищенко Е. П. О коррупционном симбиозе выборной власти и организованной преступности // Всероссийский криминологический журнал. 2010. № 2. С. 41—50.
18. Савченко И. А., Снегирева Л. А., Устинкин С. В. Причины коррупции в кросс-методологическом измерении // Власть. № 5. 2018. С. 35—39.
19. Иванова А. А. Коррупция: некоторые проблемы противодействия // Актуальные проблемы экономики и права. 2016. № 4 (40). С. 18—26.
20. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 8 января 1997 года № 1-ФЗ (ред. от 23.11.2020, с изм. от 28.12.2020). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12940/96b96954939c0b7a44989a0798a178283af8ddd4/ (дата обращения: 27.11.2020).
21. Суходолов А. П., Иванцов С. В., Сидоренко Э. Л., Спасенников Б. А. Бытовая коррупция в России: основные криминологические параметры // Всероссийский криминологический журнал. 2018. № 12 (5). С. 634—640.
22. Сидоренко Э. Л. К вопросу о новых направлениях криминологического мониторинга коррупции // Russian Journal of Economics and Law. 2016. № 1 (37). С. 17—25.
23. Batson C. D., Ahmad N. Y. Using empathy to improve intergroup attitudes and relations // Social Issues and Policy Review, 2009. Vol. 3. No. 1. Pp. 141—77.
24. Алаева М. В. Эмпатия как один из инструментов понимания психического состояния другого человека // Инженерные технологии и системы. 2011. № 2. С. 102—105.

25. Allport G. W. *The Nature of Prejudice* // Perseus Books. Cambridge, MA. 1954.
26. Boag E., Wilson D. Inside experience: Engagement empathy and prejudice towards prisoners. *Journal of Criminal Psychology*. 2014. № 4. Pp. 33—43.
27. Davis M. H. Measuring individual differences in empathy: evidence for a multidimensional approach // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1983. Vol. 44. No. 1. Pp. 113—26.
28. Pettigrew T. F., Tropp L. R. How does intergroup contact reduce prejudice? Meta-analytic tests of three mediators // *European Journal of Social Psychology*. 2008. Vol. 38. No. 6. Pp. 922—934.
29. Бочкарева С. В. Истинность диалога: социальное исследование или эмпатическое познание Другого // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2011. № 2. С. 111—115.
30. Клименкова Е. Н. Развитие способности к эмпатии в подростковом и юношеском возрастах: дис. ... канд. психол. наук. М., 2019.
31. Макарова Е. Д. Воспитание эмпатии как профессионально-личностного качества будущих социальных педагогов в целостном образовательном процессе педагогического колледжа: дис. ... канд. пед. наук. Петрозаводск, 2006.
32. Лобанова Е. С. Об аспектах обучения сотрудников исправительных учреждений способам взаимодействия с осужденными к лишению свободы женщинами, использующими манипуляции // *Уголовно-исполнительная система на современном этапе: взаимодействие науки и практики*. 2016. С. 366—368.
33. Мустафаева Э. М. Феномен манипуляции личностью в работах французских исследователей // *Северо-кавказский психологический вестник*. 2013. Т. 11. № 1. С. 14—17.
34. Танасов Г. Г., Сысоева О. А. Манипулирование в отношениях женщины с мужчиной // *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология*. 2011. № 1. С. 152—157.
35. Новиков А. В., Суслов Ю. Е., Федоров А. Ф. Манипулятивное поведение осужденных женщин, имеющих малолетних детей, содержащихся в домах ребенка при исправительных учреждениях // *Вопросы российского и международного права*. 2019. Т. 9. № 3—1. С. 276—284.
36. Гудина О. А. Манипуляция и ее виды в педагогическом дискурсе // *Язык и культура*. 2011. № 2 (14). С. 13—21.
37. Tulloch B. Guarding against manipulation by criminal offenders. 2010. <https://csa.intersearch.com.au/csajspui/bitstream/10627/456/1/Guarding-against-Manipulation-by-Criminal-Offenders.pdf> (дата обращения: 23.03.2022).
1. Dictionaries and encyclopedias on the Academician. URL: <https://translate.academic.ru/corruptio/la/ru/> (accessed 27.11.2020). (In Russ.)
2. Khabibulin A. K. Corruption as a threat to national security: methodology, problems and ways to solve them. *Journal of Russian Law*, 2007, no. 2 (122), pp. 45—50. (In Russ.)
3. Girko S. I., Lesnikov G. Yu. Public safety and anti-corruption in the Russian Federation. *Socio-political Sciences*, 2014, no. 3, pp. 22—25. (In Russ.)
4. Ershov Yu. G. Corruption as a threat to statehood. *Actual problems of scientific support of the state policy of the Russian Federation in the field of anti-corruption*, 2019, no. 1, pp. 80—90. (In Russ.)
5. Korobov A. S. Financial incentive measures as an element of the system of administrative and legal means of countering corruption in the penitentiary system of the Russian Federation. *Man: crime and punishment*, 2012, no. 4 (79), pp. 128—130. (In Russ.)
6. Ponomareva E. V. Economic components of corruption in the penal system. *Man: crime and punishment*, 2014, no. 3 (86), pp. 118—124. (In Russ.)
7. Burtsev Yu. A. Corruption in Russia: causes and methods of struggle. *Transport business of Russia*, 2017, no. 2, pp. 66—67. (In Russ.)
8. Dikaev S. U. Corruption — the eternal problem of Russia. *Criminology: yesterday, today, tomorrow*, 2011, no. 4, pp. 48—51. (In Russ.)
9. Kurakin A. V. Administrative and legal means of combating corruption in the public service system. *Journal of Russian Law*, 2003, no. 7, pp. 79—89. (In Russ.)
10. Minenok M. G. On the issue of the fight against corruption. *Bulletin of the Baltic Federal University named after I. Kant. Series: Humanities and Social Sciences*, 2013, no. 9, pp. 88—93. (In Russ.)
11. Tonkov E. E. Corruption as a sign of criminalization of power. *Criminological Journal of the Baikal State University of Economics and Law*, 2011, no. 3, pp. 50—58. (In Russ.)
12. Shpaltakov V. P. Corruption in Russia: historical roots and causes of proliferation in the post-Soviet period. *Bulletin of Omsk University. The series "Economics"*, 2016, no. 3, pp. 83—92. (In Russ.)
13. Litvyak L. G., Plygunov K. A., Katasonov A. V. Corruption in Russia: history and modernity. *Historical and socio-educational thought*, 2015, vol. 7, no. 4, pp. 35—39. (In Russ.)
14. Nikonov E. A. Corruption in the internal affairs bodies as a kind of corruption crime. *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2016, no. 2, pp. 179—181. (In Russ.)
16. Rudkovskaya E. V., Voichenko N. V. Problems of corruption in the Russian Federation. *Bulletin of the Kamchatka State Technical University*, 2017, no. 33, pp. 76—82. (In Russ.)
15. Larina O. G., Sheveleva S. V. The legal experience of Russia in the field of combating corruption: history and modernity. *All-Russian Criminological Journal*, 2013, no. 3, pp. 179—187. (In Russ.)

References

17. Ishchenko E. P. On the corruption symbiosis of elected power and organized crime. *All-Russian Criminological Journal*, 2010, no. 2, pp. 41—50. (In Russ.)
18. Savchenko I. A., Snegireva L. A., Ustinkin S. V. The causes of corruption in the cross-methodological dimension. *Power*, 2018, no. 5, pp. 35—39. (In Russ.)
19. Ivanova A. A. Corruption: some problems of counteraction. *Actual problems of economics and law*, 2016, no. 4 (40), pp. 18—26. (In Russ.)
20. The Criminal Code of the Russian Federation no. 1-FZ of January 8, 1997 (as amended of November 23, 2020, with amendments of December 28, 2020). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12940/96b96954939c0b7a44989a0798a178283af8dd4/ (accessed 27.11.2020). (In Russ.)
21. Sukhodolov A. P., Ivantsov S. V., Sidorenko E. L., Spasennikov B. A. Domestic corruption in Russia: basic criminological parameters. *All-Russian Journal of Criminology*, 2018, no.12 (5), pp. 634—640. (In Russ.)
22. Sidorenko E. L. On the issue of new directions of criminological monitoring of corruption. *Russian Journal of Economics and Law*, 2016, no. 1 (37), pp. 17—25. (In Russ.)
23. Batson K. D., Ahmad N. Yu. Using empathy to improve intergroup relations and relationships. *Social problems and policy review*, 2009, vol. 3, no. 1, pp. 141—177.
24. Alaeva M. V. Empathy as one of the tools for understanding the mental state of another person. *Engineering technologies and systems*, 2011, no. 2, pp. 102—105. (In Russ.)
25. Allport G. U. The Nature of Prejudice. *Perseus Books, Cambridge, Massachusetts*. 1954.
26. Boag E., Wilson D. Internal experience: empathy and prejudice towards prisoners. *Journal of Criminal Psychology*, 2014, no. 4, pp. 33—43.
27. Davis M. H. Measuring individual differences in empathy: evidence of a multidimensional approach. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1983, vol. 44, no. 1, pp. 113—126.
28. Pettigrew T. F., Tropp L. R. How do intergroup contacts reduce prejudice? Meta-analytical tests of three mediators. *European Journal of Social Psychology*, 2008, vol. 38, no. 6, pp. 922—934.
29. Bochkareva S. V. The truth of dialogue: socionic research or empathic cognition of Another. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2011, no. 2, pp. 111—115. (In Russ.)
30. Klimenkova E. N. Development of the ability to empathy in adolescence and adolescence. Dissertation candidate of psychological sciences. Moscow, 2019. (In Russ.)
31. Makarova E. D. Education of empathy as a professional and personal quality of future social educators in the holistic educational process of the pedagogical college. Dissertation candidate of Pedagogical Sciences. Petrozavodsk, 2006. (In Russ.)
32. Lobanova E. S. On aspects of training correctional officers in ways of interacting with women sentenced to imprisonment using manipulation. *Penal enforcement system at the present stage: interaction of science and practice*, 2016, pp. 366—368. (In Russ.)
33. Mustafayeva E. M. The phenomenon of personality manipulation in the works of French researchers. *North Caucasian Psychological Bulletin*, 2013, vol. 11, no. 1, pp. 14—17. (In Russ.)
34. Tanasov G. G., Sysoeva O. A. Manipulation in a woman's relationship with a man. *Bulletin of the Adygea State University. Series 3: Pedagogy and Psychology*, 2011, no. 1, pp. 152—157. (In Russ.)
35. Novikov A. V., Suslov Yu. E., Fedorov A. F. Manipulative behavior of convicted women with young children held in children's homes at correctional institutions. *Issues of Russian and international law*, 2019, vol. 9, no. 3-1, pp. 276—284. (In Russ.)
36. Gudina O. A. Manipulation and its types in pedagogical discourse. *Language and culture*, 2011, no. 2 (14), pp. 13—21. (In Russ.)
37. Talloch B. Protection from manipulation by criminal offenders. 2010. <https://csa.intersearch.com.au/csajspui/bitstream/10627/456/1/Guarding-against-Manipulation-by-Criminal-Offenders.pdf> (accessed 23.03.2022).

Информация об авторах

Ю. Е. Суслов — кандидат психологических наук;
Л. В. Левецкая — кандидат психологических наук.

Information about the authors

Yu. E. Suslov — Candidate of Sciences (Psychology);
L. V. Levitskaya — Candidate of Sciences (Psychology).

Статья поступила в редакцию 22.04.2022; одобрена после рецензирования 20.05.2022; принята к публикации 09.06.2022.

The article was submitted 22.04.2022; approved after reviewing 20.05.2022; accepted for publication 09.06.2022.